

ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Сегодня, если речь заходит о человеческих взаимоотношениях, о воспитании детей или о мировоззренческой позиции, часто употребляются два ключевых слова. Одно означает положительную, правильную установку: «толерантность». Другое — недопустимую, отрицательную: «давление». Причём слова эти ещё совсем недавно не употреблялись в таком моральном, что ли, контексте.

«В Америке так не принято»

Ирина Медведева,

Слово «толерантность» лет 10 назад и вовсе не было известно широкому кругу людей. «Давление», конечно, слово более употребительное. Хотя и оно раньше не так часто, как теперь, использовалось в том значении, о котором мы говорим. К тому же сопровождалось или прилагательным «психологическое» («психическое»), или дополнением «на психику» («не дави мне на психику»). То есть подчёркивался переносный смысл термина.

Потом как-то незаметно уточнения про психику улетучились и стало принято говорить о давлении на человека вообще: «Ты на него давишь», «Не дави на меня». Давление в метафорическом, переносном смысле по словесной конструкции полностью совпало с давлением физическим. Казалось бы, мелочь, но мелочь тоже в своём роде ключевая: когда на кого-то давят буквально, это может грозить объекту давления серьёзной порчей вплоть до гибели. Такая ассоциативная тень не на шутку омрачила и без того негативный смысл метафоры.

Одновременно произошло и расширение смысла. Теперь «давлением» может быть сочтена и просьба соседа по лестничной клетке слегка приглушить рок-музыку, громящую на весь дом, и недовольство родителей (чисто словесное, не влекущее за собой никаких санкций!) тем, что их пятнадцатилетняя дочь ночует у любовника. И совет приобрести вещь, которая к лицу, когда женщина, проходя мимо другой женщины, примеряющей шляпку в универмаге, говорит: «Купите, вам так идёт!» А та в ответ: «Не надо на меня давить! Я сама решу».

А вот ещё сценка, тоже из жизни. Тётя провожает племянницу, приехавшую на побывку из Штатов, где она учится в университете. Прощальный поцелуй в аэропорту и ничего не значащая, вежливая фраза: «Приезжай поскорее снова!» И вдруг лицо барышни, которая только что очаровательно улыбалась, каменеет.

— Ты давишь! Я не люблю, когда давят. В Америке так не принято.

И мы незаметно оказываемся в иной реальности, вход в которую открыло для нас ключевое слово «давление». В реальности, где действуют иные законы. По этим законам тот, кто даёт совет или (ещё хуже!) вразумляет своего друга, — человек дурной, нетолерантный, авторитарный. А тот, кто рассказывает о своих печалях, тоже давит, «грузит». От такого лучше держаться подальше. В новой реальности боязно помочь кому-то не только действием, но и словом. В результате ближний всё больше отдаляется, и происходит, как теперь говорят, атомизация.

В духе праздности

Помнится, в начале 90-х мы, находясь в Германии, недоумевали, почему наши знакомые немцы в один голос жалуются на одиночество. Особенно удивляло то, что люди, с которыми мы общались, на самом деле были объединены: их объединяла и одна профессия, и членство в одной ассоциации, и просто, как нам казалось, дружба. Во всяком случае,

Татьяна Шишова,
психологи, члены
Союза писателей
России,
соучредители
Фонда социально-
психологического
здоровья семьи
и ребёнка

они чуть ли не каждый день встречались то в гостях, то в ресторане, то выезжали вместе на пикники. И не то чтобы на их встречах царило тягостное молчание! Всё время они что-то обсуждали. Но при этом жаловались на одиночество.

И что самое поразительное, жаловались при всей честной компании, нимало не стесняясь своих приятелей, которым ведь могло стать обидно! А приятели не только не обижались, но ещё и согласно кивали головой. Дескать, да, да! Такое одиночество, такое страшное одиночество!

Ситуацию прояснила одна наша немецкая коллега, как раз председатель ассоциации. Однажды эта очень элегантная дама с тоской в голосе произнесла: «Вам в России хорошо, у вас можно поделиться с другом своим горем».

— А у вас разве нельзя? — изумились мы.

Фрау Беата горестно усмехнулась:

— Дело в том, что мы с мужем прожили тридцать лет, и вдруг он меня бросил. Именно вдруг, совершенно неожиданно. Мне было так худо, что я позвонила своей подруге Эмме, мы знакомы с детского сада, после мужа это для меня самый близкий человек... и, нарушая все правила приличия, сказала, что Ульрих ушёл к другой. В общем, что я страдаю. Это, конечно, было чудовищное, недопустимое давление на Эмму, но в тот момент я не могла с собой совладать... На несколько секунд воцарилось молчание. Потом она спросила: «А в остальном у тебя всё в порядке?» И я поняла: мои проблемы — они только мои. На этом разговор был закончен».

А действительно, что останется от дружбы, если убрать «давление»? Если не делиться скорбями, не просить и не предлагать помощи, не давать советов, не делать замечаний, наконец? (Последнее с позиций либерал-гуманизма — вообще жуткий криминал.)

Если всё это вычесть, то останутся лишь совместные развлечения, праздность. Что мы и увидели в Германии, а теперь начинаем видеть и в России среди тех, кто спешит вписаться в новую жизнь. Уже

и термин научный ввели: «рекреативность» (развлекательность). Всё «рекреативное» усиленно поощряется: от развлекательных телепередач до рекреативных (исключительно для развлечения!) наркотиков и рекреативного секса, когда напроочь исключаются даже не очень-то обременительные обязательства, которые предполагают отношения любовников. При рекреативном сексе никто никому вообще ничего не должен, почти любой вопрос, проявление заботы или интереса к делам другого может быть квалифицировано как давление. Ну, а упрёки в измене — это такое давление, которое объясняется разве что тяжёлым психозом. Причём рекреативный секс вовсе не тождествен одноразовой встрече. Нет, такой развлекательный роман может длиться (по взаимному согласию, конечно) годами.

А ведь это не просто какой-то новый стиль жизни или особенности современных отношений, как, наверное, думают многие, а извращение христианских заветов. В великопостной молитве Ефрема Сирина мы просим Бога избавить нас от «духа праздности» как от одного из самых страшных зол, мешающих спасению души. В новой же реальности знаки меняются на противоположные: совместная праздность делается основой человеческих отношений.

Страх, похожий на бред

Запрет на малейшее «давление» по сути означает полную безучастность, когда ближнему не только не оказывают активной помощи, но и не желают (да и не имеют права!) знать о его трудностях, заботах, даже просто делах. «Это твои проблемы», «Не грузи меня» — вот девизы нового времени. Христианство учит нас обратному. «Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов», — говорит апостол Павел (Гал.: 6,2). Как видите, никакой рекреативностью и не пахнет. Бремя ведь это груз, а груз — он давит.

А вот образец христианского поведения из совсем недавней истории. «В Государыне было очень развито материнское чувство», —

пишет о последней российской императрице её подруга Лили Ден. Когда это читаешь, то сперва думаешь, что речь идёт о чадолюбии Александры Фёдоровны, ибо материнское чувство неразрывно связано с детьми. Но автор имеет в виду другое. «Она чувствовала себя счастливой, когда могла о ком-то заботиться, — продолжает Лили Ден. — Если какое-то лицо завоёвывало её привязанность и доверие, то она начинала проявлять интерес к *малейшим сторонам жизни* этого человека» (выделено нами. — *Авт.*).

По нынешним же либеральным нормам даже не метафорическая, а буквальная родительская забота со всех сторон ограничена страхом давления. (Страхом, который почему-то хочется назвать бредом.) Да и возможна ли забота без давления? Самый простой пример: заболел малыш. Лекарства пить не хочет ни в какую. Про уколы и говорить нечего. Что будете делать: соблюдать права ребёнка или оказывать давление? Конечно, лучше давление смягчить: уговорить малыша, отвлечь, дать лекарство в виде сладкого драже. Но если и это не поможет, «давление» перерастает в «насилие»: один взрослый держит ребёнка, а другой вливает в рот микстуру или вонзает в попку шприц.

Тех же родителей, которые, отказавшись от посягательств на волю ребёнка, предоставят ему свободный выбор между жизнью и смертью, общество будет считать преступниками.

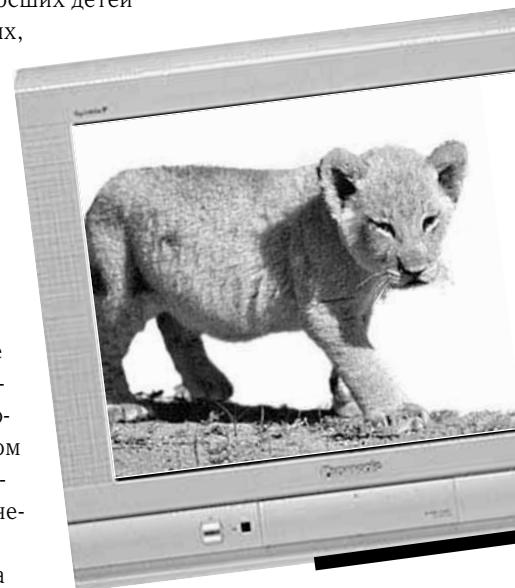
Но это лишь до поры до времени. Тенденция совершенно очевидна. Если люди пока что не сомневаются в праве на «давление», когда речь идёт о физическом здоровье ребёнка, то с охраной психического всё уже не так безусловно. Дети, которые беспрепятственно хамят, устраивают истерики и чуть ли не ходят на голове, перестали быть редкостью. То есть от страха быть обвинённой в давлении мать уже не окорачивает расторможенного ребёнка, а своим попустительством усугубляет патологическое возбуждение, нанося ущерб его и без того деформированной психике.

С воспитанием подростков дело обстоит ещё печальней. Похоже, родителей

убедили в том, что четырнадцатилетний сын или дочь уже половозрелые, взрослые люди и в состоянии сделать свой взрослый выбор. Причём смещение понятий произошло молниеносно. Ещё в середине 90-х годов прошлого века всё оставалось на месте: подросток считался немного повзрослевшим ребёнком. И вдруг, к концу столетия, сексологи, психологи, социологи, журналисты — вся королевская рать! — наперебой затрубили о том, что около трети российских подростков 13–14-летнего возраста «сексуально активны», уже имели свой «сексуальный дебют». (Между прочим, давление было чрезвычайное, но либералы этим нисколько не смущались...) Хотя всего годом раньше специалисты из тех же структур приводили совсем иные данные, по которым количество таких рано повзрослевших было в 10 раз меньше! Похожим образом чуть раньше надули рейтинг Ельцина — без стыда и всяких на то оснований. И десятки миллионов людей тоже дали себя надуть, поверив пропаганде. О выборах Ельцина и без нас много написано. А вот про то, как подростков в одночасье превратили из переросших детей в чуть недоросших взрослых, скажем чуть подробнее.

Не все, наверное, знают, что «пиар» по поводу массовой суперакселерации подростков совпал, во-первых, с попытками Министерства образования внедрить в школы секс-просвет, а во-вторых — с принятием в Думе маленькой, но поистине роковой поправки к Уголовному кодексу. На юридическом языке она называется «снижением возраста половой неприкосновенности».

Как это отразилось на нашей жизни, внятно объяснила сотрудник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ Ольга Валентиновна Пристанская: «Раньше по уголовному зако-

«ЗАЧЕМ ЖЕ В ВАС ДОСТОИНСТВА НЕТ?»

Юлия Гурикова,

студентка Педагогического университета

В современной нашей жизни стало чрезвычайно модным кого-то копировать. Мы всячески стараемся быть похожими на других, повторяя опыт, моду, ошибки и разочарования чужих стран. Видимо, после распада СССР мы утратили веру в себя и стали страдать комплексом неполноценности.

Судите сами: российские продукты перестали пользоваться спросом — рекламодателям даже пришлось придумать специальный, уничижительный лозунг — «Поддержим отечественного производителя!». Хозяйка в рекламе стиральной машины убеждает нас последовать её примеру и купить именно эту марку, мотивируя свою точку зрения тем, что «Ведь это же Самсунг!». Однажды моя хорошо обеспеченная знакомая пожаловалась, что ухудшение финансовых дел её отца семье пришлось перейти на российские йогурты вместо излюбленных данонов и актилайфов. (Какой ужас!..)

Давно уже не висят над кроватями российских подростков фотографии Аллы Пугачёвой и Филиппа Киркорова. На их места водрузился Памела Андерсон вместе с Томми Ли. Прошло то время, когда девчонки просили парикмахера сделать им причёску, как у Валентины Терешковой, теперь они требуют сделать из них вторую Бритни Спирс или, на худой конец, женский вариант клона Мерилина Менсона. С большой радостью современная молодёжь выбирает «пепси», закусывая «лейз» и двойным чизбургером. Их родители упоённо обсуждают, кто выиграл «Оскар» в номинации «Лучшая актриса заднего плана».

Но некоторым нашим согражданам и этого мало. Они обставляют свои дома и квартиры в западном стиле, включают в свою речь многочисленные заморские словечки, а если и покупают джинсы на китайской барахолке, то обязательно с американским ярлыком, простите, лейблом. Пример этому задают отечественные «звёзды» и женские журналы. В одном из деловых журналов я прочитала статью о перспективной должности работника — клинера. Вначале подумала: что-то необычное, оказывается, всего-навсего уборщик помещений. Уборка коридоров и санузлов в современном российском коммерческом мире называется клинингом, от американского cleaning — уборка, чистка. Вероятно, это «нововведение» сделано для солидности. Теперь любой дворник на

подательству, действовавшему с 60-х годов, у нас предусматривалась уголовная ответственность за половое сношение без насилия с детьми, не достигшими половой зрелости. Половая зрелость при этом не определялась чётким возрастом, а трактовалась как комплексное понятие. Сюда включалось и биологическое, и психологическое созревание организма, и, что самое главное, способность родить и воспитать здорового, полноценного члена общества — ребёнка. У одного человека такая зрелость наступает раньше, у другого — позже. С каждым конкретным случаем разбирались отдельно (как же их было мало, раз хватало времени разбираться с каждым отдельно! — *Авт.*). В 1997 г. возраст потерпевших был понижен до 16 лет (значит, раньше он был ещё выше! — *Авт.*) ... Но и это ещё не всё! Через полтора года, в июне 1998 г., вдруг неожиданно, без какого-либо научного обоснования, кулуарно был разработан некий Федеральный закон, который внёс сам президент. А в этом законе возраст допустимых половых контактов (в том числе гомосексуальных!) ребёнка со взрослым был понижен ещё больше — до 14 лет! В результате две трети уголовных дел по фактам растления малолетних были прекращены и 14–15-летние дети остались без защиты государства».

Вот так! Взрослые позволили себя одурачить кучке извращенцев и позволяют до сих пор. Попробуй скажи родителям пятнадцатилетнего подростка, что ему нельзя просиживать целыми днями за компьютером. В ответ последует: «Но мы же не можем ему запретить! Нельзя оказывать давление на *взрослого* человека». Да ещё возмутятся: дескать, психолог, а не знаком с азбучными истинами своей профессии! И с каким же удивлением они, если решаются на запрет, описывают реакцию своего недоросля! Подумать только, у него будто гора спала с плеч (хотя внешне поначалу бурно протестовал). А ведь ничего удивительного. Ребёнок обрадовался тому, что всё снова на своих местах! Если взрослый запрещает поступать дурно, значит, он авторитет. А если авторитет, следовательно, и защита.

«СКАЖИТЕ МНЕ КАК СПЕЦИАЛИСТЫ...»

Апологетам «недирективной педагогики» и тем, кто им внимает, даже в голову, наверное, не приходит, что они своим либерализмом травмируют подростков. Хотя мальчишки и девчонки на уровне сознания могут быть рады, что их никто «не достаёт», но бессознательно они пугаются равнодушия взрослых. Ведь очень страшно и горько осознавать, что даже самым близким до тебя по настоящему нет дела. Всё, что с тобой происходит, это «твои проблемы», «твой выбор».

Страх этот не случаен. В мире, охваченном бредом давления, взрослые охлаждаются к своим детям. Охлаждение в данном случае — естественная защитная реакция. Иначе можно сойти с ума, беспокоясь о ребёнке, которого со всех сторон заманивает зло, а ты не смеешь восстать против этого зла даже на словах. Избегая конфликтов, родители стараются поменьше спрашивать, ибо лю-

бой вопрос трактуется как вмешательство в личную жизнь. Контакт становится поверхностным, формальным, а так как формальное общение у нас не принято и даже презираемо, то оно может и вовсе пресечься.

— Проблема контакта с сыном снята с повестки дня, — с горькой усмешкой сообщил один наш знакомый. — О своих делах рассказывать неохота — ему это неинтересно. О девушке, с которой он встречается, нельзя. Это он называет допросом. Про институт тоже не спроси — это слежка. Сколько ему платят в фирме, в которой он подрабатывает, и что он вообще там делает — ни звука. Это коммерческая тайна. Про его литературные и музыкальные пристрастия тоже лучше помолчать, потому что одобрить этот интеллектуальный «попкорн» я не могу, а скажешь всё как есть — не миновать скандала. Остаётся обсуждать покупки. Но поскольку крупные приобретения бывают достаточно редко, а вести ежедневный диалог о сортах йогурта нормальному человеку трудно — я всё-таки не говорящая инфузория! — получается, что тем для общения нет.

А вот ещё более горькая исповедь, на этот раз мамы: «Скажите мне как специалисты, нужно ли что-то делать с ребёнком, — он, правда, у меня уже взрослый, в десятом классе, — если у него... ну, в общем, другая ориентация? Знаете, началось это с секции ушу. Тренер у него там был, или, как он его называл, Учитель, лет сорока... Ну, короче, внушил нашему наивному дурачку, что таким путём — ну, вы понимаете, каким, — передаётся духовная энергия. Знаете, мы с мужем, когда догадались, чуть с ума не сошли. Хотели поехать к этому негодяю, муж до сих пор жалеет, что тогда его не убил... так сын устроил истерику, напугал нас, что из окна выбросится... Если б у себя дома — мы вообще-то с Кавказа — так там, знаете, мы бы не испугались его угроз. Дом одноэтажный, сколько ни бросайся — не разобьёшься. А тут мы на восьмом. Подумали: мало ли что... Я пошла к психологу в кризисный центр, они там вроде что-то делают с трудными подростками. Так мне знаете что сказали? «Никакой он у вас не трудный, это вас надо лечить, если вы хотите влиять на его сексуальные предпочтения. *Какое вы имеете право*

давать? Гомосексуализм совершенно нормален.

Это всё равно, как одним нравятся апельсины, а другим — яблоки». После этого мне вообще жить не хочется.

А сын, узнав мнение психолога, наоборот, успокоился, совершенно перестал нас стесняться. Я даже иногда думаю: может, он нарочно по всей квартире газеты разбрасывает с этими ужасными объявле-

вопрос о его роде занятий может с достоинством заявить: «Я занимаюсь клинингом».

Мои сограждане одеваются в «Global USA», смотрят фильмы в «America-Cinema», отдыхают в таких клубах, как «Manhattan» и «Radio Ga Ga» (только вслушайтесь в название!) и отовариваются в супермаркетах «Рамстор». Особого внимания заслуживают иностранные слова, написанные на русском языке. Взять хотя бы модный ресторан «Канадский Бейгл». Попробуйте объяснить среднестатистическому россиянину, что означает слово «бейгл». Вы услышите массу разнообразных ответов, начиная от названия автомобиля и заканчивая ругательством, хотя на самом деле «бейгл» обозначает не что иное, как обыкновенный бублик. Смогут ли мэры российских городов ответить на вопрос, для чего в России необходимо вывешивать на всеобщее обозрение иностранные слова, написанные на русском языке? Возрастет ли от этого популярность заведения, увеличится ли посещаемость? Вряд ли. Неизвестно, когда хозяева подобных вывесок осознают это, и пока что улицы российских городов продолжают украшать надписи типа «Стейк Хауз» и «Ворлд Класс».

Чтобы быть «ещё ближе к западу», родители упоённо записывают себя и детишек на очередные ускоренные курсы английского языка «с эффектом двадцать пятого кадра», рассчитывая через пару недель сразить американцев, мирно обедающих в Макдоналдсе, своим нью-йоркским акцентом. Молодёжь продолжает наслаждаться тройными гамбургерами и кока-колой со льдом, время от времени следуя советам «сникерснуть» с друзьями, причём у каждого эта фраза вызывает разные ассоциации. Недавно я ради эксперимента зашла в Макдоналдс, чтобы посмотреть, по-прежнему ли пользуется спросом этот источник гастрита, ожирения и целлюлита. И пришла к неутешительному выводу, увидев огромные очереди жаждущих вкушать блюда американской кухни. Причём контингент, находящийся в этом заведении, состоял абсолютно из разных слоёв населения. Были там и девчонки — не старше второго класса, и нынешнее «поколение Next» с проколотой бровью и пачкой «Мальборо» в кармане, и восторженные мамы, держащие за ручку своих изголодавшихся детей, и одинокие дамы предпенсионного возраста. Все они шипели друг на друга, пытались прорваться к свободной кассе или протиснуться вместе с неподъёмным подносом к ближайшему столику. Эх, знали бы эти несчастные, что их обожаемый Макдоналдс у себя на родине считается самым убогим заведением быстрого питания, куда американцы заходят либо от отчаяния, либо от нехватки средств на пропитание, либо от отсутствия более приличных

мест в радиусе 30 километров. А у нашей молодёжи работа в подобном месте считается престижной. Ещё бы, ведь там кормят бесплатными обедами!

С восхищением домохозяйки, пенсионеры и дошкольники смотрят программы типа «Шоу Джерри Спрингера» и «Женатые... с детьми». В них повествуется о неудовлетворённых жизнью американцах и об их ужасающих проблемах: муж узнаёт, что его жена изменяет ему со своей лучшей подругой... родная дочь сбежала из дома, чтобы работать стриптизёршей... мать и двое её великорослых детей сидят на шее у главы семейства и вымогают из него последние сбережения. Всё это сопровождается одобрительным улюлюканьем зрительного зала и неуместным смехом за кадром.

Сотни тысяч россиян участвуют в глупейшей за всю историю человечества лотерее — битве за грин-кард. Эта самая грин-кард даёт право получить вид на жительство в Америке. На всемирную квоту в 25 тысяч мест ежегодно претендует... полмиллиона россиян! Условия этой «забавы» просты, как хозяйственное мыло: на обыкновенном листе бумаги напишите латинскими буквами паспортные данные, вложите их в международный конверт и отправьте в Вашингтон. В назначенное время компьютер отберёт «счастливых» самым беспристрастным образом и отошлёт им заветное приглашение. Мне это напоминает некую жеребьёвку уцелевших членов команды корабля, оказавшихся после крушения на необитаемом острове и пытающихся определить, кого съедят сегодня на ужин. Но самое грустное, что россияне продолжают смешить скучающую американскую публику, отправляя тонны писем «на деревню дядюшке Сэму».

Проблема сегодняшней России заключается в том, что, если у кого-то что-то не ладится, он начинает обвинять в этом свою страну. Муж плохо зарабатывает — значит, народ у нас такой ленивый, зарплату на работе задерживают — правительство совсем обнаглело. Из всего этого вытекает лишь одно: только у нас такое низкое чувство патриотизма и любви к своей стране. Только мы стремимся позорно бежать, надеясь на то, что на родине Джорджа Вашингтона нас примут с распростёртыми объятиями и обеспечат безбедную жизнь и спокойную старость.

Будем искренне надеяться, что когда-нибудь, а возможно и в ближайшем будущем, Россия вновь докажет всему миру своё величие, достоинство и превосходство. И, может быть американские взрослые и дети будут копировать Надежду Бабкину, печь блины, и распевать «Ой, мороз-мороз, не морозь меня...»

А пока слышится горестный вопрос Достоевского, обращённый к некоторым моим согражданам: «Зачем же в вас достоинства нет?»

ниями?.. Ну, где телефоны таких же... Этих объявлений сейчас полно, никто ничего не скрывает. Муж почернел, состарился. Как будто дедушка, а не отец... Представляете, что такое для кавказца единственный сын?!»

На вопрос, пытались ли родители в самом начале этой трагедии применять к мальчику какие-то воспитательные меры, мать с готовностью ответила: «Наказывали! Строго наказывали! Отец на целую неделю запретил играть на компьютере. Мобильник вообще отобрали, но это ничего не дало. А что мы ещё можем? Не будешь же его запиравать или бить. Сейчас это не принято. И денег карманных не лишишь — ведь ребёнку то соку хочется, то видеокассету в прокате взять... Нам и так психолог сказал, — не из кризисного центра, а другой, — что мы слишком авторитарны».

Недирективное насилие

Мы привели эту исповедь почти целиком, чтобы сэкономить на комментариях. Попробуем двинуться дальше, задавшись вопросом: а что такое в свете современного либерализма идеальная семья? С одной стороны, без пресловутого конфликта «отцов и детей», а с другой — объединённая не только общей жилплощадью. Другими словами, в каких случаях влияние взрослых на детей расценивается как допустимое, а то и желательное? Ну, например, сторонники недирективной педагогики весьма директивно указывают родителям на необходимость воспитания у детей «сексуальной культуры». Причём как можно раньше. И родителей, которые последуют этим советам, никто не упрекнёт в давлении. Хотя крупнейший детский психиатр профессор Г.В. Козловская называет раннее сексуальное просвещение даже не давлением, а разновидностью психического *насилия*, поскольку для этого необходимо сломать важнейший защитный механизм — механизм стыда. И ведь именно он, стыд в сфере интимного, служит одним из главных критериев психической нормы. Все, наверное, хоть однажды на своём веку встречали определённого сорта городских сумасшедших, которые ничего не стесняются и запросто могут продемонстрировать изумлённой публике то, что на детском языке очень точно называется «глупостями».

Таким образом, попирая естественный стыд, ребёнка толкают в область психопатологии. Но современные либералы не квалифицируют это как давление, потому что в «дивном новом мире» (заголовок романа-антиутопии Олдоса Хаксли) должны стать привычными и узаконенными все виды разврата.

Не будет обвинена в давлении и мать, склоняющая дочь к аборту. Напротив, её давление, даже в форме угрозы выгнать беременную дочку на улицу, будет оценено положительно: мама причащает легкомысленную девушку к ответственному родительству.

А кто заподозрит в давлении отца, который, придя с работы, первым делом включает телевизор и сидит, уставившись в него, пока не заснёт? Скажи ему, что он давит на ребёнка, — искренне возмутится. Среди таких отцов, наоборот, очень много поклонников

свободы. «Это мать давит, — скажет он вам, — когда требует с ножом к горлу, чтобы мальчишка соблюдал в комнате порядок или здоровался с гостями. А может, у него настроение плохое? Он что, даже на это не имеет права? Я-то никому ничего не навязываю: хочет — смотрит, не хочет — пусть в своём углу играет».

Сын хоть и в своём углу, но никуда не может деться от агрессивного шумового фона (стрельбы, криков, стонов) или от известий про сгоревших заживо детей. Почему же это не считается насильственным вторжением в его внутренний мир, и без того хрупкий, а следовательно, нуждающийся в усиленной защите?

Получается, что «давить» нельзя, только если обуздываешь дурное и прививаешь хорошее. Иными словами, поддерживаешь возвышенное в ребёнке, помогаешь ему восходить от образа к подобию Божию. А если низводишь образ до безобразия, убиваешь чистоту и насаждаешь порок — так ты молодец, свой парень, ты правильно куёшь новые партийные кадры. Надеемся, не надо долго объяснять, для какой партии и кто будет её генеральным секретарём? «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют», — предостерегает апостол Павел (1 Кор. 6, 9–10).

И посмотрите, именно эти грехи, ввергающие душу в ад, так назойливо пропагандируются сегодня! Разврат, поклонение всевозможным кумирам, супружеские измены (которые даже рекомендуют врачи для улучшения самочувствия!), онанизм, к которому призывают, в том числе детей, «для снятия напряжения», однополюе связи, воровство, узаконенное под маркой приватизации, взяточничество, про которое сейчас можно услышать, что оно абсолютно нормально... Дескать, мало получают сейчас чиновники или учителя. Вот и берут, бедные. Да и что такого страшного во взятке? Это, по существу, цивилизованная

форма благодарности. А пьянство?! Алкоголь продаётся на каждом углу по сверхдосупным ценам. Пиво же вообще официально выведено из разряда алкогольных напитков и считается прохладительным, пей хоть с младенчества. Злоречие расцвело пышным цветом. Война компроматов, глумление как основной приём журналистики и современного искусства. Хищничество, рвачество названы деловой хваткой...

И даже многие православные люди, неоднократно читавшие послание апостола Павла, очень боятся «давить». Мотивировки разные: страх потери контакта, уход от конфликтов, опасение, что дети, когда вырастут, будут попрекать в жестокости. Но подоплёка одна: терпимость к греху эти люди отождествляют с христианской любовью. В этом и кроется главная уловка лукавого.

А святой Иоанн Златоуст прямо отвечает тем, кто боится попреков и ссор: «...если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьёт, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: всё перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение. Пусть он соделается твоим врагом, зато Бог будет твоим другом». А чуть раньше говорится: «И у врача больной часто разрывает одежду. Но врач не перестаёт из-за этого лечить его. Если же заботящиеся о телах показывают столько усердия, то как неуместно предаваться беспечности, когда гибнет столько душ...» (св. Иоанн Златоуст. Против иудеев. Слово четвёртое. М.: Лодья, 2000. С. 52).

Так что ошибочно христианской любви противопоставлять ненависть. Антипод же христианской любви есть равнодушные — основа толерантности. (Подробнее о проблеме толерантности в нашем обществе читайте в НО № 6 за этот год в статье «Башня терпимости».) И в последние времена, по словам святых, в мире оскудеет любовь. Чему противники «давления» вольно или невольно способствуют. **НО**